

И.П. Каменецкий*

I.P. Kamenetskiy*

**Крымские татары на службе
в Сибири в XVII в.****Crimean Tatars serving
in Siberia in the 17th century**

DOI: 10.31518/2618-9100-2019-5-12

DOI: 10.31518/2618-9100-2019-5-12

УДК 947.065(571)

Выходные данные для цитирования:

Каменецкий И.П. Крымские татары на службе в Сибири в XVII в. // Исторический курьер. 2019. № 5 (7). С. 156–163. URL: <http://istkurier.ru/data/2019/ISTKURIER-2019-5-12.pdf>

How to cite:

Kamenetskiy I.P. Crimean Tatars serving in Siberia in the 17th century // Historical Courier, 2019, No 5 (7), pp. 156–163. [Available online:] <http://istkurier.ru/data/2019/ISTKURIER-2019-5-12.pdf>

Abstract. The paper collects and summarizes scattered information about the Crimean Tatars, who came in a wide variety of ways to serve in Siberia in the early period of its development. It is shown that some of them voluntarily made “trips” to Moscow, where they were holding fairly high positions in the system of state administration and served in the army, while others were captured during the constant military conflicts between Crimea and Russia. The article gives a general assessment of the reforms carried out in Siberia by the Tobolsk voivode Yu. Suleshev, a native of Crimea; their impact on the subsequent development of the region is noted. It is underlined that in achieving the “sovereign's profit” Suleshev attached particular importance to the yasak matters and compliance with the yasak mode under which the service class people had to act “not by cruelty, but by affection”. Basing on the archival materials analysis, the official activity, financial standing and family ties of another Crimean native, the Tatar head S. Nikitin and his descendants in Kuznetskiy stockaded town were considered. It was established that their “sovereign” service was associated with a constant military threat from non-peaceful nomads and that this fact had contributed to the accelerated incorporation of the Crimean Tatars into the Siberian army. Other representatives of the Crimean Tatar ethnos exiled to Siberia as a result of the Russian war for the Ukraine were also identified among the service class people of Tomsk. The conclusion is made about the successful integration of the Crimean Tatars into the Siberian emerging community, their real participation and contribution to the development of the region being colonized are shown.

Keywords: Crimean Tatars; Siberia; reforms of Yu. Suleshev; Yasak; Kuznetskiy stockaded town; “services” of the interpreter S. Nikitin and his descendants.

The article has been received by the editor on 15.08.2019.

Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. В работе собраны и обобщены разрозненные сведения о крымских татарах, оказавшихся разными путями и судьбами на службе в Сибири в ранний период ее освоения. Показано, что одни из них добровольно совершали «выезды» к Москве, где имели возможность занимать достаточно высокие посты в системе государственного управления и служилом войске, другие попадали в плен в ходе постоянных военных конфликтов, происходивших между Крымом и Россией. Дана общая оценка реформ, осуществленных в Сибири выходцем из Крыма тобольским воеводой Ю. Сулешевым, отмечено их влияние на последующее развитие региона. Указано, что при достижении «государевой прибыли» Сулешев особое значение придавал ясачным делам и соблюдению ясачного режима, при котором служилые люди должны были действовать «не жесточью, а ласкою». На основе анализа архивных материалов рассмотрена служебная деятельность, материальное

* **Каменецкий Иван Павлович**, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск, Россия), e-mail: kameneckiiwan@mail.ru
Kamenetskiy Ivan P., Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Institute of History of the Siberian Branch on the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russia), e-mail: kameneckiiwan@mail.ru

положение, фамильные семейные связи другого крымского выходца, татарского головы С. Никитина и его потомков в Кузнецком остроге. Несение ими «государевой» службы было сопряжено с постоянной военной угрозой, исходящей от немирных кочевников, что способствовало ускоренной инкорпорации крымских татар в сибирское служилое войско. Представители крымско-татарского этноса, сосланные в Сибирь в результате войны России за Украину, выявлены также в составе служилых людей Томска. Сделан вывод об успешной интеграции крымских татар в формирующееся сибирское сообщество, показано их реальное участие и вклад в освоение региона.

Ключевые слова: крымские татары; Сибирь; реформы Ю. Сулешева; ясак; Кузнецкий острог; «службы» толмача С. Никитина и его потомков.

Как уже установлено исследователями, сословно-социальная структура формирующего сибирского общества в XVII в. отличалась большой этнической неоднородностью, принадлежностью ее представителей к разным государствам и территориально-потестарным образованиям. Особенно сложным являлся состав населения первых сибирских гарнизонов, где при преобладании в них русского населения нередко встречались «белорусцы», «черкасы», выходцы из Речи Посполитой (поляки, «литва» и иные «иноземцы»), а также тюркские, монгольские и другие народности.

В этом, по образному выражению историков, «сибирском плавильном котле» встречались и выходцы из Крымского ханства, правители которого, считая себя наследниками Золотой Орды, зачастую вели враждебную политику по отношению к Московскому государству, причиняя тем самым немало забот русским царям по укреплению своих южных рубежей. Но, несмотря на всю сложность и остроту отношений, а также частые военные конфликты, посольские связи между Крымом и Москвой практически не прерывались. Отдельные представители крымских татар нередко добровольно или вынужденно совершали «выезды» к Москве, где новые подданные в зависимости от их прежнего статуса и заслуг получали государеву милость, позволявшую им занимать достаточно высокие посты в системе государственного управления и служилом войске Российского государства.

Одним из наиболее известных представителей крымско-татарского рода был сын крымского посла в России Юрий Яншевич Сулешев. Начав свою карьеру при дворе Б. Годунова, он принял деятельное участие во многих событиях Смутного времени, а по завершении Смуты вошел в ближайшее окружение молодого царя Михаила Романова. После нахождения на ответственных должностях в Москве и провинции Сулешев был отправлен в почетную ссылку первым воеводой в Тобольск, являвшийся центром самого обширного разряда в Сибири и России в целом. Несмотря на короткий срок пребывания «в дальней сибирской уkraine» (1623–1625), Ю. Сулешев сделал значительно больше, чем его предшественники. Всестороннюю, глубокую и в то же время несколько противоречивую оценку его преобразований, во многом вызванную навязанной господствовавшей идеологией, дал блестящий знаток сибирской истории С.В. Бахрушин¹. Его последователи В.А. Александров и Н.Н. Покровский, положительно оценивая результаты реформ Ю. Сулешева, считали, что его административная деятельность «постепенно стала основой социальной и финансовой политики на востоке страны», во многом определившей направления дальнейшего развития сибирского региона².

Не затрагивая сущность и содержание сулешевских реформ, уже рассмотренных предшественниками, отметим лишь, что особое значение Ю. Сулешев придавал ясачным делам и соблюдению ясачного режима, при котором служилые люди должны были действовать «не жесточью, а ласкою». В ходе проведенной им переписи ясачных инородцев

¹ Бахрушин С.В. Воеводы Тобольского разряда в XVII в. // Бахрушин С.В. Научные труды. М., 1955. Т. III. Ч. 1. С. 288.

² Александров В.А., Покровский Н.Н. Власть и общество. Сибирь в XVII в. Новосибирск, 1991. С. 204–205.

они были освобождены от всех недоимок за прошлые годы, был установлен нормированный размер ясака, смягчены повинности служилым татарам и предприняты другие меры.

С целью преодоления трудностей, нередко возникающих при сборе ясака из-за языкового барьера, воевода-реформатор уделял немалое внимание и учреждению в сибирских гарнизонах «штата» переводчиков – толмачей, которые назначались, как правило, из коренных народов или представителей близкой им по языку этнической группы. Так, в сентябре 1624 г. в недавно возведенный Кузнецкий острог с группой опальных «черкас» и пашенных крестьян был направлен соотечественник Ю. Сулешева – крымский татарин Досачка Никитин (после крещения – Савин), ставший вскоре татарским толмачом. Вместе с ним был послан «в конную службу» его брат Нифанко Никитин, служивший ранее в Тобольске пешим казаком с окладом 5 руб.³

Сохранившиеся источники позволяют рассмотреть служебную деятельность, материальное положение, установить семейно-родственные связи братьев Никитиных, выявить других представителей крымско-татарского этноса и определить их место в структуре сибирского общества в ранний период его становления.

По прибытии в Кузнецк С. Никитин и его брат были определены в конные казаки с окладом 7 руб. с четью; в 1630 и 1637 г. их полный оклад составлял 7 руб. с четью, 6 четей с осьминоей ржи, 4 чети овса, 2 пуда соли⁴.

Служба в самом южном сибирском остроге, окруженном многочисленными «воинскими людьми», была сопряжена со многими трудностями и постоянной военной угрозой. Небольшому гарнизону служилых людей приходилось не только собирать ясак с подвластных им абинских и других кузнецких татар, но и отражать частые нападения на Кузнецк и подведомственную ему территорию «белых» и «черных» калмыков, енисейских киргизов, считавших коренное население своими вассалами – «кышымами». Летом 1627 г. с небольшой группой служилых людей С. Никитину удалось собрать ясак с «новой земли» Обраева улуса, входившего в состав Алатырского княжества, граничившего с Кузнецким уездом⁵. В феврале 1630 г. С. Никитин был послан в качестве толмача с шестью казаками в Кондомские волости, уже платившие ясак русскому царю. Но под давлением «колмацких людей» ясачные люди «отказали» им во всех девяти волостях и грозились «прийти войной» к Кузнецкому острогу⁶.

Особенно тяжелым для жителей Кузнецка было последующее десятилетие, когда, по словам О.В. Боронина, «кыргызские отряды буквально хозяйничали в ясачных волостях Кузнецкого ведомства» и служилым людям приходилось с трудом сдерживать натиск кочевников⁷. В 1632 г. С. Никитин был послан воеводой с отрядом служилых людей (50 чел.) усмирить представителей одного из киргизских родов – чоинцев, которые «повоевали» тюлюберских и баянских ясачных людей. Но, очевидно, руководитель похода допустил какие-то самовольные действия, и поход не увенчался успехом; был захвачен в плен лишь один из нападавших, которого, к тому же, вскоре отпустили. По словам воеводы Ф. Нащокина, С. Никитин «чоинцев не сыскал, а улусного мужика отпустил»⁸. Но вряд ли обвинение Сулешева в плохом исполнении воеводского указа было справедливым и обоснованным. Как показывает богатая сибирская практика, служилые люди нередко руководствовались собственными соображениями, исходя из реальной обстановки и опыта общения с ясачными и «воинскими людьми», и не всегда шли на военный конфликт с ними. К тому же сам воевода проявил «нерадение» государеву делу: служилые люди подали коллективную челобитную, где обвинили его в неумелом управлении, некомпетентности в военных делах и неприятии надлежащих мер безопасности при нападении в сентябре 1634 г.

³ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 214. Кн. 458. Л. 4.

⁴ РГАДА. Ф. 214. Кн. 70. Л. 135.

⁵ Русская историческая библиотека. СПб., 1884. Т. 8. № 111/XXXV. Стб. 473.

⁶ Там же. № 11/LXV. Стб. 597.

⁷ Боронин О.В. Двоедничество в Сибири. XVII – 60-е гг. XIX в. Барнаул, 2002. С. 60.

⁸ Добжанский В.Н. Новые документы о приходе киргизов под Кузнецкий острог осенью 1633 г. // Из кузнецкой старины. Новокузнецк, 2017. Вып. 7. С. 157.

на Кузнецк и его ясачные волости киргизских людей – алтысаров⁹. В результате их нашествия были сожжены хлеб и сено, уведены пять ясачных калмыков и все лошади служилых людей. В связи с этими событиями С. Никитину было поручено выявить среди захваченных «языков» участников грабительского похода и определить нанесенный ими материальный ущерб¹⁰. Зимой 1633 г. Никитин, очевидно, участвовал в совместной экспедиции томских и кузнецких служилых людей на Телецкое озеро под началом сына боярского П. Сабанского. В результате похода «телеские люди» были разбиты в их «городке, пленен их князь Айдар с женой и детьми»¹¹.

Благодаря непосредственному участию в походах, «распросным речам» служилых и ясачных людей, а также захваченным «языкам» С. Никитин хорошо знал обстановку в регионе и пути, ведущие в Горный Алтай, Верхнее Приобье, Киргизскую и Мунгальскую земли. Об осведомленности С. Никитина в «калмацких делах» свидетельствует то, что осенью 1634 г. отправленный с посольством к Алтын-хану дворянин Я. Тухачевский, остановившись в Кузнецке, получил от толмача Никитина необходимые сведения о маршруте движения и киргизских людях, что позволило ему беспрепятственно достичь Мунгальской земли и провести успешные переговоры с одним из влиятельных монгольских владетелей¹².

Но, несмотря на многочисленные посольства к правителям Телеутской и Киргизской земель, а также монгольских государств и заверения их правителей о желании жить в мире с русским царем, набеги кочевников не прекращались и в последующий период. В результате очередного прихода телеутов 7 октября 1639 г. на подгородном «калмыцком торгу» были вероломно убиты 15 и ранены 15 русских людей, среди погибших был и брат С. Никитина – Нифанко Никитин (в списках 1640 и 1642 г. его имя уже не значится)¹³.

Согласно окладным книгам, в 1642 и 1643 г. С. Никитин исполнял обязанности уже не конного казака, а городского толмача с окладом 8 руб., 8 четей ржи, 4 чети овса¹⁴. В связи с ростом численности гарнизона и поверстанием «в службу» небольшой группы абинских татар и «выезжих белых калмыков» его воинский статус значительно вырос. В 1652 г. грамотой из Москвы С. Никитин был назначен татарским головой и толмачом с окладом 10 руб., 10 четей ржи, 10 четей овса, 3 пуда соли¹⁵. Примечательно, что и он, и его близкие родственники служили без пашни, это объяснялось, очевидно, тем, что у крымских татар занятие земледелием не являлось престижным, а также небезопасными условиями хлебопашества в данном районе.

Отсутствие источников не позволяет определить реальное участие С. Никитина в сборе ясака, посылках с поручениями в Москву и сибирские города, а также в походах кузнецких служилых людей на телеутов, енисейских киргизов и других немирных людей, проходивших в последующий период. Но сам факт значительного расширения территории ясачного сбора, поступления в казну большого объема кузнецкого соболя (в 1640 г. он составил 3797 штук и был наибольшим в Западной Сибири¹⁶) может свидетельствовать и о его немалом вкладе в «учинение государевой прибыли».

Имя С. Никитина не отмечено в мирских жалобах на воевод и других начальных людей в социальных движениях, происходивших в Кузнецке в 1642, 1648, 1653 г., что может указывать как на умеренность его взглядов, отсутствие должностных злоупотреблений, так и на лояльность к властям и относительную стабильность материального положения.

⁹ Вершинин В. Воеводское управление в Сибири (XVII век). Екатеринбург, 1998. С. 58, 62.

¹⁰ Миллер Г.Ф. История Сибири. М., 2000. Т. 2. № 320. С. 477.

¹¹ Добжанский В.Н. Походы П. Сабанского на Телецкое озеро и Ф. Пуцина на реку Бия: время, причины, последствия // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 1. С. 33.

¹² Русско-монгольские отношения. 1607–1636: сб. документов. М., 1959. С. 217.

¹³ Там же. С. 208; Уманский А.П. Телеуты и русские в XVII–XVIII веках. Новосибирск, 1980. С. 63.

¹⁴ РГАДА. Ф. 214. Кн.153. Л. 177; Кн. 189. Л. 70.

¹⁵ Там же. Кн. 415. Л. 2 об.

¹⁶ Павлов П.Н. Об участии и роли различных категорий населения в сибирском пушном промысле в 40–70-е гг. XVII в. // Экономика, управление и культура Сибири в XVII–XIX вв. Новосибирск, 1974. С. 31.

Исключение составляет лишь его участие в челобитной на имя царя, поданной начальными людьми Кузнецка 3 октября 1659 г. в связи с невыплатой служилым людям денежного и хлебного жалования на 1559/1660 г. и задолженностью казны за прошлые годы, что для удаленного от пашенных районов Кузнецка было нередкой практикой¹⁷.

Последнее упоминание о С. Никитине относится к 1662 г., когда он назван татарским головой в Кузнецком остроге, который взял в Томске у приказчика – гостя В.Г. Шорина в долг 100 руб. медных денег, а за них «по уговорной цене» обязался отдать «3 сорока 14 соболей кузнецких добрых, рослых, в козках [т.е. в целых шкурках. – И.К.]»¹⁸. Этот факт говорит о его значительных торговых операциях с пушниной, однако отсутствие таможенных книг за этот период не позволяет установить подлинные объемы совершавшихся им торговых сделок.

Его сыновья – Евтифей, Иван и Яков Савиновы – продолжили служебную деятельность отца. Евтифей (Евтихий) упоминается впервые в окладных книгах 1660 и 1662 г. как конный казак, служивший без пашни с окладом 7 руб. с четью, 6 четей с осьминой ржи, 4 чети овса, 2 пуда соли¹⁹. В отличие от своего отца, Евтифей владел грамотой, что, несомненно, способствовало повышению его служебного и социального статуса. В 1673 г. он был поверстан в Москве «за службу отца» в сыны боярские с окладом 9 руб., 9 четей ржи, 9 четей овса, 3 пуда соли²⁰. Однако, как и другим служилым людям, это жалование выплачивалось с перебоями и не в полном объеме: по данным М.Е. Сорокина, находясь «в посылке» в Москве, он получил недоплату за многие годы²¹.

Сведений о служебной деятельности Евтифея Савинова сохранилось немного. Известно, что 20 ноября 1673 г. он выступил в роли понятого при обыске у пашенных крестьян Куземки, Обросимки, Терешки Горбуновых, вместе с В. Пантелеевым укравших товары у бухарского купца. В результате активных поисков в сене во дворе А. Горбунова было найдено «три сумы китаек», а также остальной товар, спрятанный в разных местах²². Установлено также, что в 1678 г. он совершал с отрядом служилых людей рейды по ясачным волостям: 13 марта пришел из Кондомской волости, 7 апреля из Таганской²³. В 1681 г. продолжал нести службу в Кузнецком остроге в прежнем чине и окладе²⁴.

Его брат Иван Савинов унаследовал от отца должность городского толмача. Первое известие о нем относится к 1666 г.: в книге винной выдачи Кузнецка за этот год он указан как толмач, получивший три чарки вина²⁵. В окладных книгах 1673, 1681 г. его имя значится среди начальных лиц с окладом с окладом 10 руб., 10 четей ржи, 10 чети овса, 3 пуда соли²⁶. В источниках сохранились отдельные сведения и о его военной службе. В июне (после 3 июня) 1673 г. он участвовал в походе атамана И. Бедаря на телеутов (белых калмыков) князца Табуна, «воровски тайно» совершивших набег на русские деревни Кузнецкого уезда, в результате чего была сожжена в избе семья казака Тихонова, сгорела дер. Шебалина, убиты трое ясачных людей, угнан скот. Настигнув телеутов в верховьях р. Чумыш, служилые люди вступили с ними в переговоры. Иван Савинов пытался миром звать «непослушников» в русское подданство и в обеспечение своей верности выдать

¹⁷ Добжанский В.Н. Кузнецкий острог и его население в XVII в. (по челобитным служилых людей) // Из кузнецкой старины. Новокузнецк, 2017. Вып. 7. С. 140–141.

¹⁸ Павлов П.Н. Промысловая колонизация Сибири в XVII в. Красноярск, 1974. С. 143.

¹⁹ РГАДА. Ф. 214. Кн. 415. Л. 5 об.; Кн. 438. Л. 233 об.

²⁰ Там же. Кн. 590. Л. 505, 508 об., 546.

²¹ Сорокин М.Е. Кузнецк и Кузнецкий уезд в XVII в. // Новокузнецк в прошлом и настоящем. Новокузнецк, 1971. С. 30.

²² Первое столетие освоения Сибири русскими. Новые документы. Собрание сибирских грамот XVII – начала XVIII веков в фондах Научной библиотеки Томского государственного университета / сост. В.А. Есипова, Г.Н. Старикова. Томск, 1999. С. 19, 23–25, 27, 28.

²³ Дополнения к «Актам историческим», собранным и изданным Археографической комиссией. СПб., 1862. Т. 8. С. 42.

²⁴ РГАДА. Ф. 214. Кн. 716. Л. 996.

²⁵ Там же. Кн. 415. Л. 600 об.

²⁶ Там же. Кн. 590. Л. 545–590; Кн. 622. Л. 81.

заложенников – аманатов. Но, по словам атамана, «калмаки того разговору не послушали», открыли стрельбу и ранили его «в щоку». В результате сражения телеуты были разгромлены и обращены в бегство. Посланный за ними отряд И. Савинова настиг «воровских калмаков» на четвертый день на р. Горево, где они вновь потерпели поражение²⁷.

Свидетельств о третьем сыне С. Никитина – Якове Савинове – сохранилось немного. Он, как и его родственники, участвовал в борьбе с воинственными енисейскими киргизами. Будучи конным казаком, в сентябре 1674 г. Яков был послан в погоню за киргизами, грабившими ясачных Кузнецкого уезда²⁸. В 1688 г. значился в кузнецком гарнизоне городовым толмачом, 3 октября с А. Буяновым послан проведывать вести о «киргизских людях» в Мрасские волости²⁹.

В Кузнецком остроге также нес службу потомок крымского татарина конный казак Михаил Вершина. В 1681 г. при «разборе» служилых людей он сообщил о непростой судьбе своей и своих родичей. Согласно «скаске» М. Вершины, его отец происходил из крымских татар, «лет с шестдесят» назад был взят «в полон» и сослан в ссылку в Сургут, где служил 20 лет пешим казаком. После смерти отца Михаил пришел вместе с матерью в Кузнецк, где та вышла замуж за конного казака Константина Салочаева, который был убит на службе на Телецком озере, куда был послан для «проведывания» серебряной руды и слюды. После гибели отчима воевода Ф. Баскаков поверстал Михаила в оклад К. Салочаева, составлявший 7 руб. с четью, 6 четей с осьминой ржи, 4 чети овса, 2 пуда соли, после чего М. Вершина, по его собственным словам, «служит великому государю» уже 20 лет «истиною правдой и беспорочно...»³⁰.

Выходцы из Крыма отмечены в источниках и в других сибирских городах. Так, 15 января 1656 г. верхотурский воевода Л.Т. Измайлов сообщил о присылке из Казани по государеву указу большой партии ссыльных «литовских людей и татар», взятых «во языцех» (в плен). Ссыльных людей было предписано верстать на пешую службу в Тару, Тюмень, Сургут. Среди них находились крымские «татаровя» Алексей Арослонов, Булатко Детямиров, Меглибей Исколев, которым указывалось служить в Томске³¹. Названные лица были отмечены в 1680 г. при «разборе» служилых людей в Томске как пешие казаки, состоявшие в десятке Кондратия Федорова с окладом 4 руб. с четью, 5 четей ржи, 4 чети овса, 1,5 пуда соли³².

Таким образом, оказавшиеся разными путями и судьбами в Сибири крымские татары, как и другие «иноземцы», успешно интегрировались в новую среду и становились составной частью формирующегося сибирского социума. Вместе с другими служилыми людьми они выполняли возложенные обязанности по сбору ясака, открытию «новых земель», борьбе с воинственными кочевниками и тем самым вносили свою лепту в процесс начального освоения и заселения Сибири.

Литература

Александров В.А., Покровский Н.Н. Власть и общество. Сибирь в XVII в. Новосибирск: Наука, 1991. 382 с.

Бахрушин С.В. Воеводы Тобольского разряда в XVII в. // Бахрушин С.В. Научные труды. М.: Изд-во АН СССР, 1955. Т. III. Ч. 1. 376 с.

²⁷ Уманский А.П. Телеуты и русские в XVII–XVIII веках. Новосибирск, 1980. С. 121; Он же. Причумышь в русских документах XVII столетия // Нижнее Причумышь: очерки истории и культуры: материалы краевой науч.-практ. и метод. конф. Тальменка, 1997. С. 50–51.

²⁸ Дополнения к «Актам историческим» ... СПб., 1857. Т. 6. № 93. С. 314.

²⁹ Бутанаев В.Я., Абдыкалыков Л.Е. Материалы по истории Хакасии XVII – начала XVIII в. Абакан, 1995. С. 194.

³⁰ РГАДА. Ф. 214 Кн. 716. Л. 1035 об.–1036 об.

³¹ Белокуров С.А. Юрий Крижанич в Сибири (по новым документам). М., 1901. С. 58.

³² Томск в XVII в.: материалы для истории города со вступительной и заключительной статьями прив.-доцента П.М. Головачева и картой окрестностей Томска конца XVII в. СПб., 1912. С. 112.

Белокуров С.А. Юрий Крижанич в Сибири (по новым документам). М.: Университетская тип., 1901. 426 с.

Боронин О.В. Двоеданничество в Сибири. XVII – 60-е гг. XIX в. Барнаул: Изд-во БГУ, 2002. 246 с.

Бутанаев В.Я., Абдыкалыков Л.Е. Материалы по истории Хакасии XVII – начала XVIII в. Абакан: Хакас. кн. изд., 1995. 302 с.

Вершинин В. Воеводское управление в Сибири (XVII век). Екатеринбург: Муниц. учеб.-метод. центр «Развивающее обучение», 1998. 203 с.

Добжанский В.Н. Кузнецкий острог и его население в XVII в. (по челобитным служилых людей) // Из кузнецкой старины. Новокузнецк: Кузнецкая крепость, 2017. Вып. 7. С. 140–145.

Добжанский В.Н. Походы П. Сабанского на Телецкое озеро и Ф. Пущина на реку Бия: время, причины, последствия // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 1. С. 29–35.

Дополнения к «Актам историческим», собранным и изданным Археографической комиссией. СПб.: Типогр. Э. Праца, 1857. Т. 6. 402 с.

Дополнения к «Актам историческим», собранным и изданным Археографической комиссией. СПб.: Типогр. Э. Праца, 1862. Т. 8. 372 с.

Миллер Г.Ф. История Сибири. М.: Восточная литература, 2000. Т. 2. 796 с.

Павлов П.Н. Об участии и роли различных категорий населения в сибирском пушном промысле в 40–70-е гг. XVII в. // Экономика, управление и культура Сибири в XVII–XIX вв. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1974. С. 17–39.

Павлов П.Н. Промысловая колонизация Сибири в XVII в. Красноярск: Изд-во Красноярского пед. ин-та, 1974. 296 с.

Первое столетие освоения Сибири русскими. Новые документы. Собрание сибирских грамот XVII – начала XVIII веков в фондах Научной библиотеки Томского гос. университета / сост. В.А. Есипова, Г.Н. Старикова. Томск: Изд-во ТГУ, 1999. 254 с.

Русская историческая библиотека. СПб.: Археографическая комиссия, 1884. Т. 8. 1292 стб.

Русско-монгольские отношения. 1607–1636: сб. документов. М.: Изд-во вост. лит-ры, 1959. 352 с.

Сорокин М.Е. Кузнецк и Кузнецкий уезд в XVII в. // Новокузнецк в прошлом и настоящем. Новокузнецк, 1971. С. 28–35.

Томск в XVII веке: материалы для истории города со вступительной и заключительной статьями прив.-доцента П.М. Головачева. СПб.: Изд-во В.А. Горохова, 1912. 169 с.

Уманский А.П. Причумышье в русских документах XVII столетия // Нижнее Причумышье: очерки истории и культуры: материалы краевой науч.-практ. и метод. конф. Тальменка, 1997. С. 46–52.

References

Aleksandrov, V.A., Pokrovskiy, N.N. (1991). *Vlast' i obshchestvo. Sibir' v XVII v.* [Power and Society. Siberia in the 17th Century]. Novosibirsk, Nauka, 328 p.

Bakhrushin, S.V. (1955). *Voevody Tobol'skogo razryada v XVII v.* [Voivodes of the Tobolsk Razryad in the 17th c.]. In S.V. Bakhrushin. *Nauchnye trudy.* Moscow, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. Vol. III. Part 1. 376 p.

Belokurov, S.A. (1901). *Yuri Krizhanich v Sibiri (Po novym materialam)* [Yuriy Krizhanich in the Siberia (Based on the new documents)]. Moscow, Universitetskaya tipografiya. 426 p.

Boronin, O.V. (2002). *Dvoedannichestvo v Sibiri XVII – 60-e gg. XIX v.* [Payment of Double Tribute in Siberia: 17th – 1860s.]. Barnaul, Izatel'stvo Barnaul'skogo universiteta. 246 p.

Butanaev, V.Ya., Abdykalykov, L.Ye. (1995). *Materialy po istorii Khakasii XVII – nachala XVIII v.* [Materials on the History of Khakassia of the 17th – early 18th centuries]. Abakan, Khakasskoe knizhnoe izdatel'stvo. 302 p.

Dobzhanskiy, V.N. (2017). Kuznetskiy ostrog i ego naselenie v XVII v. (po chelobitnym sluzhilykh lyudei) [Kuznetsk fortress and its population in the 17th c. (on the petitions of service men)]. In *Iz kuznetskoi stariny*. Novokuznetsk, Kuznetskaya krepost'. Issue 7, pp. 140–145.

Dopolneniya k "Aktam istoricheskim", sobrannym i izdannym Arkheograficheskoi komissiei [Additions to historical acts, collected and published by the Archaeographic commission]. (1857). St. Petersburg, Tipografiya Eduarda Pratsa. Vol. 6. 402 p.

Dopolneniya k "Aktam istoricheskim", sobrannym Ii izdannym Arkheograficheskoy komissiei [Additions to historical acts, collected and published by the Archaeographic commission]. (1862). St. Petersburg, Tipografiya Eduarda Pratsa. Vol. 8. 372 p.

Esipova, V.A., Starikova, G.N. (Comp.). (1999). *Pervoye stoletiyе osvoeniya Sibiri russkimi. Novye dokumenty. Sobranie sibirskikh gramot XVII – nachala XVIII vekov v fondakh Nauchnoi biblioteki Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [The First Century of Colonization of Siberia by Russians. New documents. Collection of Siberian acts of the 17th – early 18th centuries in the fonds of the Scientific library of the Tomsk state university]. Tomsk, Izdatel'stvo Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 254 p.

Golovachov, P.M. (Ed.). (1912). *Tomsk v XVII veke: Materialy dlya istorii goroda so vstupitel'noi stat'ei priv[at]-dotsenta P.M. Golovachova* [Tomsk in the 17th century: Materials for the history of the city with the introductory and closing articles by privat-docent P.M. Golovachov]. St. Petersburg, Izdatel'stvo V.A. Gorokhova. 169 p.

Miller, G.F. (2000). *Istoriya Sibiri* [History of Siberia]. Moscow, Vostochnaya literature. Vol. 2. 796 p.

Pavlov, P.N. (1974). Ob uchastii i roli razlichnykh kategoriy naseleniya v sibirskom pushnom promysle v 40–70-e gg. XVII v. [On the participation and role of various categories of the population in the Siberian fur trade in the 40s and 70s 17th century]. In *Ekonomika, upravlenie i kultura Sibiri v 17th–19th v.* Novosibirsk, Izdatel'stvo Sibirskogo jndeleniya Rossiyskoi akademii nauk, pp. 30–42.

Russkaya istoricheskaya biblioteka [Russian Historical Library]. (1884). St. Petersburg, Arheograficheskaya komissiya. Vol. 8. 1292 stb.

Sorokin, M.Ye. (1971). Kuznetsk i Kuznetskiy uезд v XVII v. [Kuznetsk and Kuznetsk uyezd in the 17th century]. In *Novokuznetsk v proshlom i nastoyashchem: materialy nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 350-letiyu osnovaniya Kuznetska*. Novokuznetsk, Izdatel'stvo sibirskogo metallurgicheskogo instituta, pp. 28–35.

Umanskiy, A.P. (1997). Prichumysh'e v russkikh dokumentakh XVII stoletiya [Prichumysh'e in Russian documents of the 17th century]. In *Nizhnee Prichumysh'e. Ocherki istorii i kul'tury: materialy kraevoi nauchno-prakticheskoi i metodicheskoi konferentsii* / ed. by T.M. Stepanskaya, T.K. Shcheglova. Tal'menka, Barnaul, pp. 46–52.

Vershinin, Ye.V. (1998). Voevodskoe upravlenie v Sibiri (XVII vek) [Voivode administration in Siberia (17th century)]. Yekaterinburg, Munitsipalnyy uchebno-metodicheskii tsentr "Razvivayushchee obuchenie". 203 p.

Zlatkin, N.Ya., Ustyugov, N.V. (Eds.). (1959). *Russko-Mongolskie otnosheniya. 1607–1636. Sbornik dokumentov* [Russian-Mongolian Relations. 1607–1636. Collected documents]. Moscow, Izdatel'stvo vostochnoi littratury, 1959. 352 p.

Статья поступила в редакцию 15.08.2019 г.